

Страхов неточен: в начатом и брошенном письме тон был не слишком высокий, а откровенный, интимный, исповедальный. Еще одна неудачная попытка избавиться от тесной одежды и орденов. Несколько в ином, объективированном ключе присутствует исповедь и в этом новом письме. Толчком к рассказу о своей литературной судьбе, о разных стадиях бесконечной борьбы с многоглавой гидрой нигилизма, стали «несравненные» «места и выражения» из трактата Толстого «Критика догматического Богословия» (он и эту книгу переплел в Эмсе), особенно слова, выделенные Страховым курсивом: «Одно из них прямо из моего сердца: „я залез“, пишете Вы, „в какое-то смрадное болото, вызывающее во мне только те самые чувства, *которых я боюсь более всего: отвращения, злобы и негодования*”».¹⁵⁹

Чувства, слишком знакомые Страхову, которых он боится, вдохновляясь примером особенно любимого им героя «Войны и мира»: «Да, я истинно боюсь этих чувств, и потому, как Ваш Платон Каратаев, стараюсь везде отыскивать *благообразие*; я стараюсь всеми силами найти хоть каплю благообразия в том, что около меня делается и существует. Стараюсь понять, простить, а главное — стараюсь не пропустить того добра, которое смешано со злом».¹⁶⁰

Дальше Страхов, опуская вызывающие краску стыда «опыты», предлагает Толстому ретроспективный очерк своего умственного развития, взгляд на себя прежнего со стороны. Очерк, с самых первых тактов окрашенный в элегические, меланхолические тона: «Недавно я как-то очень разжалобился над собою. Какая печальная жизнь! Мальчик, совершенно неспособный к ненависти, вражде, борьбе приехал из глуши в Петербург.¹⁶¹ Он усердно занимался наукой, но его потянуло к литературе, к этому *самозванному парламенту*, как выражается Карлейль. И начинается чертова комедия. С 1856 года все мечты литературы — разрушение, революция. Начинается брань на всех и на все, не только на самое гадкое, но и на самое дорогое. Вали все, — после разберем! (...) Представьте себе, что десять лет я читаю эти выходки. Каждый месяц выходит несколько толстых журнальных книг, и я вижу, что между строками в них написано: *кровь и огонь! огонь и кровь!* (...) И при этом — русское невежество, русское легкомыслие, отчаянное русское недоброжелательство и злоречие¹⁶² — да не скоро переберешь всю эту гадость».¹⁶³

Личная биография почти сразу переходит в литературную, в рассказ о литературной судьбе Страхова, вынесшего много обид, оступавшегося, но даже и не собирающегося каяться.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Как раз в раннюю петербургскую пору жизнь Страхова нельзя назвать «печальной», об этом убедительно говорят опубликованные М. И. Щербаковой материалы. Тогда он жадно впитывал знания, мечтал о путешествиях в Европу и Вавилон, окунался в пестрый водоворот столичной жизни: «Много прелестей и в жизни разнообразной, пылкой, живой, кипящей, бешеной». И хотя овладевали им и в юные годы печальные мысли (трезвая оценка себя со стороны), но молодость побеждала, прогоняя их: «У меня нет ни капли творчества, нет быстроты и живости. Пустою и туманною представляется мне перспектива будущей жизни. Неужели я буду чиновником или учителем гимназии? Неправда ли, что лучше всего наслаждаться студенческой жизнью и попробовать, между прочим, не выжмет ли из меня чего-нибудь хорошего? Нужны только деньги, но где мне достать вас, деньги? Я достану! И жизнь моя, покамест будет легка и приятна, но никогда не будет забрызгана грязью» (Москва. 2004. № 10. С. 198).

¹⁶² В статье «К портрету Пушкина», размышляя над трагической судьбой поэта, Страхов писал: «...с такою душою, какая была у Пушкина, он должен был много страдать. Это была душа, как он сам говорит, *доверчивая и нежная*; вообразим же себе обыкновенные недостатки нашего общества: русское недоброжелательство, русское злословие, русское взаимное недоверие, наконец, русское невежество и русский цинизм, и мы поймем, что душевные чувства Пушкина были непрерывно оскорбляемы» (Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 166).

¹⁶³ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 926—927.